

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Веры Чирковой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ИСКУСНИК. ПОТЕРИ И НАХОДКИ
ИСКУСНИК. СВОБОДА И НЕВОЛЯ

Вера ЧИРКОВА

**ИСКУСНИК.
СВОБОДА И НЕВОЛЯ**

Роман

Москва, 2017
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2004 году
Выпуск 643

Художник
И. Воронин

Чиркова В. А.

Ч-64 Искусник. Свобода и неволя: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2405-4

Хочешь насмешить судьбу? Расскажи ей про свои замыслы. Инквар вспомнил всем известную истину, когда один за другим начали рушиться его продуманные до мелочей планы. Мирное путешествие превратилось в опасную операцию, вместо долгожданной свободы на шею повисли трудновыполнимые задания, а сам искусник из неприметного путника внезапно превратился в довольно знаменитую личность. И теперь лишь от мастерства и сообразительности Инквара зависит, суждено ли ему выжить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2405-4

ГЛАВА 1

Тишина была настолько полной, какой бывает лишь в глубоких подземельях, где даже вода с потолка не каплет и не шуршат вездесущие крысы. И это безмолвие дарило невероятный, переходящий в наслаждение покой постепенно воскресающему сознанию, еще с содроганием припоминающему ужасающий грохот, врывающийся в уши со всех сторон, гремящий под черепом и отдающийся острой болью в висках и темени.

Мысли скользили в голове медленно и как-то легковесно, словно бесплотные тени по пустому бальному залу, где все уже готово к приему гостей, натерты полы и расставлены букеты, но еще не зажжены свечи и не раздвинуты шторы.

«А кстати, почему так тихо?» — внезапно нарушил полусонное спокойствие первый, смятенный вопрос, и в брешь, пробитую им в умиротворенной безмятежности, в разум искусника хлынула все множащаяся волна смятенных мыслей. Всего за пару мгновений они развеяли мирный полумрак и равнодушие и пробудили память. И та, словно штормовой вал, безжалостно выбрасывающий на берег разный мусор и морских обитателей, разом притащила кучу тревог, сомнений и задач, ждущих немедленных решений.

Где он находится? Где Лил и Ленс? Что с ними?! Где вообще все остальные? Чем закончилось нападение ночников? Почему тут так темно?

И наконец сердце холодной змеей сжало предчувствие потери, о которой искусник догадался почти сразу, но пока не решался признаться самому себе.

В мире властвовала неестественная, пугающе абсолютная тишина.

Инквар осторожно приподнял веки, через узкую шелку опасливо оглядел все, до чего мог дотянуться взором, и напрягся, обнаружив себя в совершенно незнакомом месте. Тут не было ничего и никого знакомого, да и вообще никого не было, и хотя сердце невольно сжалось от нехорошего подозрения, паниковать искусник себе не позволил.

Открыл глаза шире и еще раз, стараясь не выдать себя ни малейшим движением, внимательно изучил погруженную в мягкий полумрак комнату. Довольно уютная, пусть и недорогая мебель, вышитые полотняные занавеси на окне, такая же скатерть на столе, стоявшем неподалеку от постели. Он был виден лишь краем глаза, но поворачивать голову Инквар не решился, внезапно ощутив себя замотанным в плотный кокон. Непонятно кто и зачем его замотал, но сердце опять тоскливо сжалось, и он снова запретил себе раскисать. Пока нет уверенности ни в чем скверном, нужно верить в хорошее. Иначе сойдешь с ума еще до того момента, как выяснишь истину. Или натворишь глупостей, что, впрочем, одно и то же.

В комнате внезапно посветлело, искусник перевел взгляд правее и обнаружил, что дверь, напротив которой он лежал, уже распахнута и в комнату, держа в руках светильник и корзинки, входят Лил и Ленс. Совершенно здоровые и свободные, и Инквар облегченно вздохнул, обнаружив это, но, к своему сожалению, не ощутил той вспышки радости, какую должен бы испытать. Появление горбуни и ее брата подтвердило самые мрачные подозрения, и горечь неприятного открытия затопила душу.

Его уши не улавливали ни малейшего звука, и подопечные двигались совершенно бесшумно, как призраки. Неслышно ставили на стол принесенные с собой светильник, кувшин и миски, в абсолютной тишине раскладывали столовые приборы и даже губами шевелили беззвучно. Это открытие оказалось для Инквара намного более тяжким, чем было бы появление толпы ночников или баронских ловцов.

С теми он нашел бы способ справиться, пусть и не сразу. А вот резко нависшая над ним угроза вечности неожиданно стала непреодолимым препятствием.

Ленс внезапно что-то почувствовал, стремительно оглянулся на учителя и замер с полуоткрытым, как от испуга, ртом. Лил, сосредоточенно капавшая в ложку какое-то зелье, увидела состояние брата не сразу, а когда заметила и проследила за направлением его взгляда, и сама застыла соляным столбом, крепко стискивая в руках хорошо знакомый Инквару флакончик.

— ..., — беззвучно прошептала она, судя по едва дрогнувшему кривому роту, и искусник в который раз упрекнул себя за самоуверенность, с которой когда-то отказался учиться чтению слов по губам.

Этот способ невероятно труден и не совсем надежен, так как очень немногие люди произносят слова отчетливо и правильно. Тех, кто мямлит, заикается, глотает окончания или говорит на одном из десятков разных диалектов, — большинство, и понять по обрывкам фраз смысл их речи практически невозможно. Но иногда знание артикуляции дает возможность получать хоть приблизительное представление о сути разговора.

Опомнившийся мальчишка открыл рот, подергал сестру за рукав и снова захлопал губами, как рыба.

Лил бросилась к столу, начиная на нем что-то перебирать, и Инквар тоскливо поморщился.

Видимо, совсем плохи его дела, если даже упрямая горбунья не строит из себя ледяную статую, а помогает брату ухаживать за его фиктивным отцом. Интересно было бы узнать, что именно с ним случилось, но способа, как это сделать и не напугать подопечных, Инквар пока не придумал.

— ..., — безмолвно объявил Ленс, развернулся и куда-то бесшумно умчался, словно унесенный порывом ветра.

Лил подвинула к постели полукреслице, села в него уверенно, как садятся только на ставшее привычным место, и вызвала этим обыденным поступком новый всплеск тоски у своего хозяина.

Это сколько же он должен был тут пролежать, чтобы все успели так свыкнуться с мебелью?!

«Говорить можешь?» — Горбунья развернула светильник и подняла перед собой листок бумаги.

Инквар подумал, неуверенно открыл рот и снова закрыл. Как ни смешно было признаваться, но начинать разговаривать он почему-то боялся. Почти панически, успев припомнить, что обычно нормальные, здоровые люди слышат свои собственные слова. А он пока не знал, полностью ли здоров, и просто не был готов, произнеся первое слово, не услышать абсолютно ничего. Или вместо слов и фраз уловить лишь глухой гул, какой, как он точно знал, слышат почти полностью оглохшие люди.

Лил задумалась, несколько мгновений смотрела мимо него, по привычке чуть прикусив губу, потом снова начертила на листке несколько слов и поднесла записку к лицу Инквара.

«Если не можешь — мигни два раза».

Инквар прочел и невольно усмехнулся: похоже, девчонка намерена допросить его с пристрастием. Немного посомневался, потом уверенно мигнул один раз.

Горбунья нахмурилась, уставилась на него подозрительным взглядом, затем снова схватилась за грифель.

«Ты не хочешь разговаривать? Тогда мигни один раз!»

Ее упорство, обычно раздражавшее Инквара, на этот раз почему-то начинало веселить его все сильнее, но улыбаться искусник себе не позволил. Посмотрел прямо в зеленые, ждущие глаза и уверенно, с расстановкой, мигнул три раза.

Горбунья беззвучно шевельнула губами и снова задумалась.

На этот раз она размышляла намного дольше, минуты две, и у Инквара тоже появилась возможность порассуждать и принять решение. Очень скоро он отчетливо осознал, что как ни крути, но долго уклоняться от определения величины постигшей его беды не удастся. Да и откладывать на будущее проведение пугающего его эксперимента — тоже. Пора перестать паниковать и выяснить, насколько он те-

перь уцербен, а уже в зависимости от полученного результата решать, как жить дальше.

К тому же тело, постепенно приходящее в себя после то ли обморока, то ли тяжелого сна, начинало все упорнее напоминать о своих потребностях.

Лил быстро написала на бумажке новое слово и предъявила ее Инквару как окончательный вердикт суда.

«Боишься?»

Искусник покосился на нее с невольным уважением. Трудно отказать девчонке в способности мыслить логично. Как и в настойчивости в достижении поставленной цели. Он подавил вздох и аккуратно мигнул один раз, давая себе обещание в следующий раз постараться ответить вслух.

Горбунья внимательно уставилась ему в глаза, пытаясь отыскать там ответ на непонятно какие мысли, и, к изумлению Инквара, нашла-таки. Поджала дрогнувшую нижнюю губку, подперла загорелым кулачком щеку и вздохнула совершенно по-бабьи, с жалостливой полуулыбкой.

Потом вдруг протянула руку и мягко, успокаивающе погладила Инквара по щеке, словно безмолвно что-то обещая.

Этот, казалось бы, невинный жест вмиг заставил искусника насторожиться, занервничать. Слишком хорошо он за последние годы изучил женщин, чтобы не знать, какие чувства могут стоять за их сострадательными взглядами, беззаветной заботой и почти материнским желанием разобраться во всех мужских проблемах. Если по отдельности эти признаки могут и не означать абсолютно ничего, кроме добросердечия, отзывчивости, а изредка и корыстности, то объединяются воедино они лишь в одном случае. Когда женщина ни с того ни с сего вдруг сочтет кого-то своим избранником.

Хотя изредка и случаются ситуации, неизбежно вызывающие резкий всплеск совершенно искреннего дамского интереса к ничем дотоле не примечательным мужчинам. И это вовсе не внезапно свалившаяся милость кого-то из властных или богатых — как раз в таких случаях чистосер-

дечности можно не искать. Золото и истинные чувства — вещи взаимно отталкивающиеся.

Зато внезапно прорезавшийся редкий талант, а иногда и геройский или благородный поступок недавнего неудачника непременно заставляют окружающих рассмотреть его пристальнее, и тогда ошалевшему от везения счастливицу гарантированы особое пристрастие и ласки сразу нескольких прелестниц.

Инквар знал об этом вовсе не по чужому опыту. В те времена, когда он был еще учеником искусника, юные и не очень девы не особо баловали вежливого, спокойного парня своим вниманием, хотя ни ростом, ни внешностью родители его не обидели. Да и даром судьба не обделила. Зато характер у него всегда был миролюбивый, вдумчивый и, как выяснилось к совершеннолетию, довольно застенчивый. Причем именно в тех вопросах, где, как он сейчас знает точно, большинство женщин ждут от мужчин скорее наглости, чем скромности.

И вдруг, всего через год после того, как Инквар встретил свое второе совершеннолетие, благодаря чистой случайности все чудесным образом переменялась.

В тот весенний вечер он сидел у распахнутого окна мансарды, где на зиму снимал комнатку, занимался выданным учителем заданием и одновременно наслаждался свежим воздухом и ароматами цветущих садов. Весна, как всегда, кружила голову ожиданием перемен, скорым отъездом в лесную избушку, где они проводили лето за сбором трав, изготовлением и усилением зелий и боевыми тренировками. Искусник не должен быть воином, но обязан уметь защищаться.

Испуганный девичий визг отвлек Инквара от перечня полезных свойств редких трав, заставил подняться со стула и взглянуть вниз. По двору, подхватив ситцевую юбочку, с криком убегала от верзилы-бондаря цветочница Сола, дочка погибшего в начале зимы охотника. Ее мать после смерти мужа непрерывно болела, и учитель частенько передавал ей с Инкваром бесплатные зелья.

Бондарь обычно вел себя довольно прилично, но после нескольких кружек браги его характер начинал стремитель-

но портиться. Чаус задевал всех, кто имел несчастье оказаться в этот момент поблизости, и в особенности цеплялся к девушкам, не пропуская ни одну служанку. Все они давно это знали и старались не показываться буяну на глаза, а вот Сола умудрилась каким-то образом забыть об осторожности.

Слуги и пара посетителей боязливо выглядывали из дверей и окон постоянного двора, не решаясь вступить за девочку, бежавшую по двору уже второй круг, а Инквар, стиснув зубы от ненависти, смотрел сверху, не зная, как поступить. Была у него пилюля силы, выданная учителем на самый крайний случай, но это происшествие никак не подходило под определение крайнего случая. Наоборот, драки и приставания к служанкам — самые обыденные вещи для любого постоянного двора. Использовать сильные зелья и оружие наставник тоже настрого запретил, чтобы не выдавать себя, а слабое зелье могло и не помочь. Да и, кроме того, на другое утро после такого нападения Чаус вполне мог прийти поквитаться с обидчиком с огромной колотушкой, заменяющей ему все остальное оружие.

Но и не вступить за девушку, которой тайно симпатизировал, Инквар не мог. И когда бондарь в очередной раз пробежал мимо дома, почти нагнав выдохшуюся жертву, парень схватил большой горшок с геранью и швырнул вниз.

Посудина упала прямо перед Чаусом и разлетелась на несколько кусков, оставив посредине выложенной камнем дорожки большую черную кляксу жирного перегноя, украшенного розовенькими цветочками. Амбал поскользнулся, замахал руками, дернулся, пытаясь свернуть в сторону, но не сумел удержаться на ногах и рухнул задницей прямо в осколки.

И тотчас взвыл дурниной на весь двор, опрокинулся на бок и снова не удержался, видимо, брага была малость крепковата. Несколько раз Чаус пытался встать и снова шлепался в размазанную по дорожке грязь: Инквар имел обыкновение выливать под цветок остатки чая, и от засухи тот не страдал.

А когда верзила, весь в черноземе и цветочках, выполз на сухое место и поднял вверх свирепое лицо, ученик искусни-

ка почувствовал, что вот теперь он и наступил, тот самый крайний случай. Пора немедленно пить заветную пилюлю, хватать приготовленный саквояж и бежать до самой сторожки лесника.

Он бы так и поступил, да вовремя заметил устремленный на него полный ужаса взгляд Солы и заинтересованные взоры премиленьких служаночек. И, разумеется, никуда не побежал.

Вежливо улыбнулся злобно оскалившемуся бондарю и ласково произнес:

— Добрый день, Чаус! Сегодня замечательная погода, не правда ли? Как твоё здоровье?

Про здоровье он прибавил просто так, из желания потянуть время, лихорадочно прикидывая, успеет ли вылезти на крышу, пока громила бежит на третий этаж, и тут же смолк, заподозрив неладное.

Лицо остолбеневшего от неожиданности бондаря приобрело все более осмысленное и даже частично задумчивое выражение, потом он неуверенно хмыкнул, отер запястьем губы и неловко поклонился:

— Большое спасибо, господин Инквар. Здоровье... это... хорошо.

Еще раз кивнул, повернулся и потопал со двора, напроочь забыв и про успевшую спрятаться Солу, и про недопитую брагу.

Едва он скрылся из вида, бойкие служанки наградили скромного постояльца воздушными поцелуями. Впрочем, довольно скоро они по очереди заявили на мансарду, обменять их на живые и весьма горячие. Настолько жаркие, что лишь к следующему обеду парень нашел время обдумать странное поведение Чауса. И очень скоро понял, какими путями шли в тот момент мысли бондаря.

За несколько дней до этого происшествия он продал Чаусу яд для крыс, и как раз когда получал деньги, из-под лавки выскочила откормленная и бесстыжая хвостатая гостья.

Рука сама выдернула из стола длинное шило, один из обычных инструментов травника, и в следующий момент серая нахалка лежала посреди комнаты вверх лапками.

— А чего ж вы их своим ядом не травите? — задал бондарь вполне закономерный вопрос, и Инквар, поглядев на него очень укоризненно, веско сообщил:

— Так ведь нельзя же здесь! Целебные травы везде лежат! А ну как крысы вначале по яду потопчутся, а потом, к примеру, по сушеной малине. Вот выпьешь ты чаю от простуды — и того...

В тот раз бондарь ушел очень задумчивым.

Ну а после случая с горшком Инквар так и не удосужился спросить, чего же Чаус столь сильно испугался — его меткости или возможности получить яд? Ученику искусника вдруг стало катастрофически не хватать времени: все девицы, которые до этого считали его просто хорошим, смиренным парнем, внезапно рассмотрели, какой он необыкновенно красивый, стройный, ловкий и смелый. И наперебой старались всячески доказать, кто из них достойнее его браслета.

Вскоре у Инквара голова шла кругом, но тут вовремя вернулся наставник, обнаружил возле ученика нешуточную суету сразу трех прелестниц и немедленно увез парня в лес.

«И правильно сделал», — крепче стиснул разъехавшиеся было в усмешке губы искусник, теперь, по прошествии почти десяти лет, отлично осознававший, как сильно выручил его тогда учитель. Ведь в тот момент Инквар не был даже по-настоящему влюблен ни в одну из трех девушек, иначе не метался бы между ними, не зная, кого выбрать.

И Лил ему тоже не нужна, да и он ей, если трезво рассудить, ни к чему. Она сейчас просто ошибается, принимая сочувствие к его бедам за особое отношение. И зря взирает на искусника таким загадочно-нежным взглядом, его этим не пронять.

Ну а если он поймет, что девчонка принимает свою влюбленность за серьезное чувство, то первым делом примет все меры, чтобы помочь ей избавиться от напрасных иллюзий. Разумеется, действовать Инквар постарается как можно деликатнее, не допустит никакой грубости или ехид-

ства. Одаренные и без того чутки и ранимы, а когда поддаются под власть сильных эмоций, и вовсе становятся хрупче фарфоровых цветов. Однако оставить ей надежду и проявить хоть минутную слабость тоже нельзя, проверено на собственном опыте.

«Придется сварить себе зелье спокойствия», — осознал Инквар, но додумать не успел. Дверь снова распахнулась, и в комнату вслед за Ленсом ворвались полуодетые Гарвель с Дайгом.

Добежали до постели, устались на искусника внимательными взглядами, в которых сквозь тревогу ясно светились радость, забота и еще что-то, не совсем понятное, но, несомненно, доброе, и от всего этого у Инквара вдруг защемило в носу. Он болезненно скривил губы, поймал сочувствующую гримаску на лице горбуни и сразу вспомнил про данное себе обещание.

— Лил... — Собственный голос, глуховато прозвучавший под черепом, показался искуснику незнакомым, и он на миг смолк, собираясь с силами. Но тут же, не желая давать горбуне повода для жалости, как можно увереннее добавил: — Идите отдыхать.

В зеленых глазах полыхнуло откровенное удивление, быстро сменившееся недоумением, затем обидой, и наконец в них застыло столь знакомое упрямое безразличие.

«Так-то лучше», — перевел дыхание искусник.

Гарвель, коснувшись рукой плеча горбуни, с мягкой улыбкой что-то неслышно сказал ей.

Девушка крепче сжала губы, мгновение помедлила, потом не спеша встала, оправила юбку и так же неторопливо направилась к двери. Ленс смятенно глянул на нее, перевел тревожный взгляд на Инквара, и тот, не выдержав, еле заметно подмигнул ученику. Будто глаз дернулся, но парнишка все понял правильно, выдохнул облегченно и помчался за сестрой.

Темный лес, и как же он умудрился так вляпаться, охнул про себя Инквар, только теперь сообразив, что для мальчишки вовсе не было тайной внезапное нежное чувство сестры.

ГЛАВА 2

— Дед! — бесшумно помотал перед лицом напарника рукой Дайг. — Как ты?

— Ничего не слышу, — снова глухо буркнул Инквар.

Теперь, когда рядом были эти двое, в нем пробудилась призрачная надежда на помощь.

— Сейчас, — пообещал напарник, поднимая одеяло, которым Инквар был укутан до самого подбородка, оглянулся на Гарвеля и отдал какое-то распоряжение, как понял Инквар по следующим действиям ювелира.

Через минуту тот показал искуснику листок, на котором было начертано: «Извини, тебя пришлось привязать. Сейчас освободим».

Брови Инквара удивленно изогнулись. Это чем таким он отличился, что друзья решились на крайние меры? Но спрашивать ничего не стал, терпеливо следил, как ловко и уверенно они распутывали мягкие кожаные ремни, привязывающие его руки к телу, обернутому еще одним одеялом.

Затем распутали ноги, и Инквар, приподняв одну, понимающе усмехнулся. Как выяснилось, спал он в сапогах и верхней одежде. Это явно Дайг, наслышанный про предосторожности искусников, не разрешил его раздевать.

Гарвель осторожно освободил верхнюю часть туловища Инквара, повергнув того в невольное изумление: оказывается, его голова была плотно обложена кучей подушек и думочек и обернута грубым шерстяным дорожным одеялом.

Разматывая искусника, друзья смотрели на него с тревогой и опаской, а их руки действовали все медленнее.

— А теперь? — так же беззвучно спросил Дайг, обеспокоенно глядя в глаза напарника, и тот, сообразив, какой вопрос может их интересовать, так же глухо буркнул:

— Не слышу.

Дайг и Гарвель переглянулись, стремительно и привычно, как могут только люди, столько пережившие вместе, что между ними не остается никаких недомолвок. Инквар огорченно сжал губы — у него такого друга пока не было. Все те,

кому он доверял и кто никогда не откажет в помощи, жили своей жизнью, не деля с ним своих секретов и забот.

Внезапно телохранитель наклонился, почти задев волосами щеку Инквара, потом его уха коснулись пальцы, осторожно подергали и отпустили. А в следующий момент перед глазами появилось задумчивое лицо Дайга. Он рассмотрел Инквара с уважительной серьезностью и что-то сказал.

Искусник только хмуро хмыкнул. Выходит, напарник и сам уже понял, что слух к нему не вернулся. И зря он торопливо пишет на листке слова утешения, Инквар в них ни капли не нуждается. Знал, на что шел.

— Пусти, я встану, — грубовато подвинул он друга и решительно поднялся с постели. — Где тут умывальня?

Чья-то рука потянула за куртку, но искусник бесцеремонно дернул плечом, освобождаясь, и направился в угол комнаты, к дверке, за которой не могло быть ничего иного, кроме туалетной комнатки. Дернул на себя створку, глянул внутрь и, убедившись в правоте своих предположений, решительно шагнул вперед.

А когда попытался закрыть за собой дверь, обнаружил вклинившегося Дайга.

— Я ведь могу рассердиться, — серьезно предупредил Инквар, но напарник и не подумал пугаться.

Ответил лучшей улыбкой, сунул в руку записку и отступил, не мешая запереться на засов.

— Смелый какой, — сердито сопел искусник, отбрасывая в сторону бумажку. — Ну и чему так обрадовался, интересно? Хотел показать, какие мелкие и глупые у меня проблемы, или предложить свою поддержку? Ну пусть предлагает, отказываться не стану, куда мне без него. Но детей не брошу, пусть и не надеется. Я и калечный не беззащитная обуза. Труднее будет, не спорю, но выстою. Должен. Иначе ради чего я столько лет корпел над книгами и возился с ювелирным кофром?

Он сбросил куртку, осторожно снял сапоги и верхнюю одежду, расстегнул пояс и жилет с поредевшими запасами. Рассмотрел на рубахе засохшую кровь и признательно

усмехнулся. Все-таки Дайг молодец, любой другой на его месте, обнаружив потерявшего сознание друга, постарался бы его раздеть, умыть и все тому подобное. И вместо благодарности получил бы в ладони несколько иголок с самыми разными зельями, от сонного и красящего в синюю крапинку до яда, противоядие к которому может сделать только сам Инквар.

Пригоршня пахнущего ромашкой мыла и несколько ковшей чуть теплой воды вскоре привели искусника в приличный вид и почти добродушное настроение, которое не особо портило скребущее душу сожаление.

Знал бы заранее, что ночники полезут напрямик, да еще и заложников притащат, не стал бы глотать столько зелий в надежде обнаружить всех бандитов, которых умный атаман непременно должен был отправить в тыл или оставить в засаде. В тот момент это казалось очевидным, и Инквар просто не имел права считать ночников совсем уж простаками. Дураки в их ремесле, как правило, долго не выживают. Да и был уже слышан о пройдошливых и хитроумных, как лисы, атаманах гильдии, умеющих уводить из-под носа отлично вооруженных баронских отрядов жирную добычу.

«Но теперь поздно, да и глупо раскаиваться в той ошибке», — вздохнул Инквар, натягивая кем-то приготовленное чистое исподнее и аккуратно складывая свои вещи. Он ведь хорошо себя знает и в следующий раз в подобной ситуации снова не станет надеяться на чудо и поступит точно так же.

Выходит, зря прикрикнул на Дайга, вполне мог бы и остановиться на миг, не настолько уж спешил. Напарник ведь добра ему желал, вон даже бумажку сунул, небось что-то ободряющее написал. Нужно хотя бы прочесть, прежде чем выходить из умывальни.

Смятый и промокший листок нашелся на полу, и разворачивать его пришлось очень осторожно, пригодилось умение бережно обращаться с хрупкими вещичками. А когда удалось, не порвав, разложить бумажку на ладони, странные слова сначала не вызвали ничего, кроме недоуменной усмешки.

Инквар нахмурился — похоже, он неверно понял намерения телохранителя, но все же прочел записку еще раз и еще. А чего там читать, всего два слова: «Прочисть уши».

Звучало это оскорбительно, и Инквар точно обиделся бы, если бы не успел так хорошо изучить Дайга. И значит, в этих словах есть какой-то смысл, понять бы какой.

Указательный палец правой руки непроизвольно потянулся к уху, осторожно прикоснулся к тому месту, где, как Инквар смутно помнил, недавно жила острая, словно шип арги, боль. Внезапно чувствительная подушечка пальца уперлась во что-то шершавое, выпирающее из ушной раковины там, где должно быть углубление, и искусник озадаченно замер. Даже дышать на несколько мгновений перестал, зато мысли ошалело понеслись пустынными смерчками, развеивая сложившийся несколько минут назад план на будущее и сдувая песок с недавно погребенных надежд.

Руки с заученной бережностью положили вещи на лавку, привычно нащупали нужные карманы, принялись доставать зеркальце, инструменты, зелья.

Работать было неудобно, и света от масляного светильника не хватало, пришлось зажечь свою алхимическую свечу из неприкосновенного запаса. Конечно, можно было выйти в спальню, попросить помощи у друзей, но заставить себя так поступить Инквар не сумел. Едва представил, с какой жалостью они будут на него смотреть, если после извлечения затычек слух так и не возвратится, как вся решимость растворилась, словно льдинка в горячем котле.

Первые клочки пропитанного воском пуха, осторожно вынутые из уха, вернули осколки памяти, постепенно, будто кусочки разбитого блюда, складывающиеся в ясную картинку. И теперь Инквар точно знал: это он сам, чувствуя, что сходит с ума от грохочущих в голове голосов, шагов и прочих, неимоверно громких, корежащих разум звуков, драл на клочки маленькую пуховку, которой обычно сметал золотую пыль, сминал ее с воском и забивал полученными шариками уши, пытаясь хоть чуточку смягчить оглушительный грохот.

И это немного помогло: до телеги, откуда несчастных комедьянтов было видно как на ладони, он сумел добраться без посторонней помощи. Инквар даже вспомнил, как рычал раскалывающие голову угрозы, стараясь припугнуть ночников, чтобы они отступили хоть ненадолго, позволив увести пленников.

А потом картина вдруг обрывалась... и чем окончился тот бой, он мог теперь только догадываться, хотя и очень боялся ошибиться.

Остатки последнего шарика воска, сидевшего в глубине правого уха, Инквар доставал особенно долго и осторожно. Сначала попытался тянуть тонким ювелирным пинцетом, но теплый воск, смешавшийся с запекшейся кровью, вынимался слишком малюсенькими крошками. Тогда, посильнее подогнув кончик особого крючка, Инквар попытался достать им остатки пробок, впопыхах забитых слишком плотно. Хотя в тот момент ему так не казалось, теперь он отчетливо вспомнил, как раскалывалась от грохота голова, а из ушей и носа временами капала кровь.

Крючок зацепил наконец несколько пушистых волоконцев, и Инквар очень бережно покрутил его, потом потянул и облегченно, со всхлипом выдохнул, ошеломленный резким появлением разнообразных звуков. За небольшим оконцем, выходящим, судя по шуму, в сторону конюшен, всю кипела обыденная жизнь большого постоянного двора. Ржали лошади и, погромыхивая цепью, басовито лаяла собака, оживленно переговаривались постояльцы и обслуга, что-то постукивало, то ли мельничка, то ли бельевой каток, хлопали двери и звенела посуда.

И только за маленькой дверкой, ведущей в соседнюю комнату, стояла такая тишина, словно там никого не было.

А может, друзья действительно ушли? Он ведь с ними не очень-то церемонился. Даже не пожелал остановиться и понять, чего от него хотят, опасаясь бесполезных соболезнований и утешений.

Ну так ведь был почти уверен в своих выводах! И почему-то напрочь забыл про собственные ночные действия.

«Такая потеря памяти за последнее время уже не в первый раз», — с досадой вздохнул Инквар. Придется поговорить с одаренными лекарями и приготовить зелье покрепче.

Он аккуратно убрал на место все свои вещички, взял одежду и сапоги и босиком, в одном исподнем, направился в спальню, надеясь найти там свой дорожный сундук. Но сначала нужно хоть немного поесть, несколько глотков воды не столько утолили жажду, сколько пробудили в нем крайне голодного зверя.

Свою ошибку искусник осознал, едва распахнув дверцу. Никуда они не ушли, сидели за столом, сосредоточенно рассматривали какие-то бумаги и молчали.

Не произнесли недавно обретенные друзья ни слова и когда Инквар, подавив вздох, прошел мимо, сложил на угол постели принесенную одежду и открыл дорожный сундучок. Зато когда он переоделся и принялся с быстротой фокусника перекладывать свои запасы в карманы неизменного жилета и чистого костюма, то краем глаза рассмотрел, каким интересом горят взгляды искоса следящих за ним друзей.

Но он и теперь не произнес ни слова и даже внимания на них не обращал до тех пор, пока, верный правилам искусников, не закончил разборку зелий и амулетов. Хотя сейчас молчал только по одной причине: слишком много опасных вещичек, которые никому не прощают небрежности, находилось в тот момент в его руках.

Не нарушали молчания и друзья, сидели и ждали, спокойно и внешне почти равнодушно наблюдая, как господин судья Эринк Варден, чистый и аккуратно причесанный, подходит к столу и садится напротив них. Однако Инквар и на гран не поверил этому равнодушию, а объясняться не спешил не из вредности или упрямства. Просто подыскивал слова, которые могли бы со всей полнотой выразить этим людям его признательность и одновременно не показаться слишком сентиментальными.

— Как думаешь, — вдруг едва слышно буркнул Дайг, не сводя взгляда с Инквара, — он нас слышит?

— Думаю, да, — само сорвалось с губ искусника. Он оценивающе оглядел огорошено распахнувшего глаза Гарве-

ля и доверительно добавил: — Видишь, как понимающе смотрит.

Невозмутимо подтянул к себе тарелку с едой и взялся за ложку. Лишь несколько мгновений старые приятели неверяще хмурились, взирая на него, и вдруг заулыбались. Сначала облегченно усмехнулся Гарвель, потом негромко фыркнул, пытаясь спрятать смешок, Дайг.

Инквар не удержался, весело прыснул, и через минуту все дружно хохотали, до слез, до колик, чувствуя, как рассыпается невесомым пеплом гнетущая душу тяжесть.

— А теперь расскажите, чем все закончилось, — отсмеявшись, попросил Инквар. — Или вы тоже голодны?

— Мы хорошо поужинали, — отказался Дайг, глянул на вмиг посерьезневшего искусника и тихо пояснил: — Сейчас раннее утро. Ты спал почти сутки. Мы хотели целителя звать, но не знали, как ему тебя показывать. Поверили Ленсу, он был уверен, что ты здоров, только устал. Ты и в самом деле взял его в ученики?

— Пришлось, — со вздохом признался Инквар и тут же предупредил: — Но никто, кроме вас, не должен об этом знать. Для посторонних я его отец, а отцам свойственно читать детям нравоучения.

— Кстати, об отцах, — покосившись на Гарвеля, осторожно начал телохранитель. — Не всем нравится ремесло, выбранное для них родителями.

— Большинству, — поправил Инквар, сообразив, что этот намек неспроста. — Например, мой отец занимался лошадьми. Но мне нравилось только кататься на них... пока он не погиб. А потом появился отчим, и моей заботой стали навоз и скребок. Вот тогда я и понял, что это совершенно не то дело, каким я хочу заниматься всю жизнь. И когда учитель предложил мне уйти из дома, я даже не сомневался.

— А мать?

— Она хорошая женщина, но больше жена, чем мать, — нехотя пояснил искусник. — Так бывает. Но я посылаю ей с оказией весточки. А кому из вас надоело отцовское ремесло?

— Мне, — твердо сообщил Гарвель. — Я теперь свободный человек.

— Это хорошее известие, — ни мгновения не раздумывал Инквар, уже уяснивший, ради чего осторожный Дайг завел этот разговор. — Ты же не откажешься поехать с нами, пока не подыскал себе дело всей жизни?

— Ты еще не все знаешь, — не пожелал воспользоваться неведением друга ювелир. — Поэтому не спеши.

— Сколько бы новостей я ни узнал, ничего это не изменит. Я давно ломаю голову, как по приезде в Трааг обезопасить детей от людей барона Корди, и не могу ничего придумать. Слишком неравны силы, он же наверняка не одного шпиона приставил следить за их матерью. И вооружены они, несомненно, самыми лучшими зельями и амулетами, это я понял по тому нападению. А воевать с ними в городе такими методами, как на пустошах, нам никто не позволит. Ловцы ведь привыкли наваливаться всем скопом, а я не могу допустить невинных жертв. Да и мать Ленса нельзя подставлять. Кроме того, есть у меня сомнения, а действительно ли она живет так свободно, как думают дети? Возможно, женщина всего лишь приманка в хорошо продуманной ловушке и соваться туда не стоит?

— Тогда нужен договор, — без обиняков заявил Дайг. — Мы же оба из гильдии наемников. Раньше я ходил с тобой по приказу Гара, он нанял меня, а его — отец. Но теперь мы оба свободные воины. И если нет заказа, то должны сообщить в гильдию или примкнуть к ближайшему отряду наемников. Если мы будем ходить с тобой по своей воле, то в случае чего у командиров не будет повода вступить за нас. Ни ночники, ни бароны не решаются нападать на наемников в городах и селах. Слишком много в наших тюремных башнях сидит важных для них людей.

— Не объясняй долго, пишите бумагу. Или нужно кого-то из гильдии?

— Далеко идти не придется, — пояснил Гарвель. — По вызову Кержана к нам на помощь пришел отряд наемников. Под утро, часа через два после того, как твой голем разогнал

бандитов. Половина парней помчались их ловить, остальные довели нас до Бирайна.

— Так мы в Бирайне и все целы? — сообразил Инквар. — А голема не было, камни создания очень дороги, у меня таких нет. Это амулет иллюзии, вешаешь на любое живое существо пару заряженных камушков и привязываешь заранее созданный облик. И пока сила амулета не закончится или призрак не уйдет слишком далеко, иллюзия держится.

— Но твой голем, или кто там был, бегал шагах в шести-стах от нас, в пустошах хорошо видно.

— Заяц, — лукаво усмехнулся Инквар. — И я повесил на него целых четыре камня с энергией. На всякий случай. А еще влил ему в горло зелий силы и беспечности. Чтобы он сразу не побежал в кусты.

— Ты хочешь сказать, — медленно, с расстановкой произнес Гарвель, — что я едва не опозорился от страха, обнаружив рядом с собой простого зайца?

— Ну почему простого? — задумчиво произнес Дайг. — Украшенного бусиками и вдрызг пьяного. Вот теперь мне понятно, почему он бегал зигзагами!

И бывший телохранитель снова захохотал, весело и заразительно.

— Вообще-то это очень непорядочно, — раздался от двери знакомый голос, — радоваться в одиночку.

— Мы не в одиночку, а втроем, — мигом отшутился Инквар, рассматривая до неузнаваемости изменившегося жоака.

Кержан был аккуратно подстрижен и до блеска выбрит, в глаза сразу бросалась непривычно белая кожа на месте бывших усов и бороды. И одет был тоже не так, как всегда: куда-то исчезли не только стальные браслеты и наплечники, но и кожаные штаны с курткой. В плисовых штанах и темной полотняной рубашке жоак казался не только моложе, но и намного стройнее.

— А ржете так, как будто тут собралось пол-обоза, — тотчас сменил причину наигранного недовольства Кержан, подходя к столу.

Внимательно и строго оглядел Инквара, протянул руку и положил перед ним недлинный округлый пенальчик:

— Если понадобится помощь, пошли вестника, приду хоть на край земли.

— А куда ты сейчас? — бережно взяв в руки неожиданный дар, не удержался Инквар.

— Пусть Дайг расскажет, — отмахнулся Кержан. — У меня к тебе важный вопрос: ты в гильдию наемников войти не хочешь?

— На мне обязательство, — уклончиво отказался Инквар. — Выполню, потом видно будет. Ты же наверняка слышан — у нас своя компания.

— Не хотел я тебе рассказывать, — мрачно фыркнул вожак, — да и некогда, но с вашей братией не совсем ладно. Скучно они живут в своей долине, никто не берется водить к ним обозы. И вестей оттуда никаких не приходит, я уже не одного такого, как ты, проводил. Послушай моего совета, говорю как человеку, которому по гроб жизни обязан, не ходи ты туда. Или поговори сначала с теми, кто старше. А пока прощай, отряд уходит через полчаса, мне собраться надо.

— А нам — договор подписать, — пододвигая к себе одну из лежащих на краю стола бумаг, пояснил Гарвель. — Он нас нанял в телохранители.

— Я на это надеялся, — вздохнул Кержан. — Жаль, сам сейчас не могу. Но это ненадолго, врачи пообещали.

Развернулся и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Дайг?

— Ну ты же видел комедьянтов? — хмуро глянул тот. — И женщину слышал? Возил их Кержан два лета подряд и прикипел к одной танцовщице на канате. Аж белел, когда Бенни через огонь на высоте крыши прыгала. И она к нему тянулась, но остаться не захотела, со своими ушла. Видимо, кто-то из путешественников донес об этом ночникам, вот они и поймали ватажку Мерея. Я сразу понял, кто за твоей сторожевой линией стоит, когда псы заюлили. Кержан только ей разрешал их кормить и баловать.

— Она жива?

— Все живы, но без хороших лекарей долго не поднимутся, поэтому половина наемников возвращается в крепость и увозит их с собой. Кержан едет с ними, не хочет оставлять Бенисию. Да и нельзя ее оставить, вся в синяках и ссадинах, взгляд запуганный. Над остальными лицедеями тоже издевались по-живодерски, старику-музыканту пальцы переломали... — Дайг яростно скрипнул зубами. — Теперь понимаешь, за что я всех бандитов так ненавижу?

— И я, — не пожелал, как обычно, смолчать Инквар. — Но знаю случаи, когда люди попадали туда не по своей воле. И уйти не могли.

— Я тоже знаю, на своей шкуре испытал. Поэтому можешь мне поверить, когда говорят, будто не могут уйти, — это ложь. Я же ушел. Причем очень просто — когда на нас напали наемники, притворился раненым и свалился в овраг. Гильдийцы раненых не добивают, с тех пор я с ними.

— Так ты точно знал, что не добивают, а атаманы говорят обратное, — внезапно вмешался молча писавший бумажку Гарвель и сразу перевел разговор на другое: — Вот, читайте и расписывайтесь, потом пойду к командиру, отдам копию и поставлю печать. Кстати, Ленса с сестрой прислать? Она тут от тебя, как клушка от цыпленка, не отходила.

— Не к добру это, — сухо буркнул Инквар, не собиравшийся никого посвящать в личные проблемы. С него и Ленса достаточно.

Наемники понимающе смолчали и принялись рассказывать последние новости.

ГЛАВА 3

— Ох ты, какие к нам гости-то! С добром, с добром! — отпирая ворота, приговаривала крупная загорелая женщина в простом платье из некрашеного полотна. — Милости просим!

Однако створку приоткрыла только одну и, едва впус­тив всадников в огороженный высоким забором двор, сразу же плотно прикрыла, не позабыв беззвучно задвинуть хорошо смазанный засов.

— К черному входу, — бросила еле слышно, и маленький отряд послушно потрусил в ту сторону.

Желания спорить или переговариваться с хозяевами ни у кого не возникло, да и усталость заставляла покорно исполнять указания.

Вот уже четвертый день, отправив с обозом удобную карету, якобы проданную командиру наемников, Инквар с друзьями и подопечными путешествовали верхом. Пользуясь картой Дайга, на которой все принадлежащие людям гильдии дома и имения были отмечены условными значками, добирались от поселка к поселку в обществе случайных путников, а зачастую только своей компанией.

Внешность всем пятерым пришлось сменить сразу после отъезда из Бирайна. Заканчивая в то утро ранний завтрак, искусник уже четко осознавал, с какой безжалостной легкостью судьба снова сломала его планы. Больше они не могли, как прежде, ехать вместе со своим обозом, хотя вряд ли кто-то из атаманов решился бы снова напасть на путешественников, защищенных отрядом из полусотни отборных воинов.

Да и подготовить новое нападение гильдия ночников уже не успевала. По словам комедьянтов, Исмер из своего логова, где держал их несколько дней, и к пустоши-то мчался как сумасшедший. Поил зельем силы лошадей и менял их на свежих во встречных поселках. Разумеется, силком. Никто из селян никогда добром не отдаст собственноручно выращенного жеребца, да еще и не за деньги, а за едва живого, загнанного коня.

Но Инквар опасался вовсе не нападений, а соглядатаев. В каждом крупном селе, где пройдет обоз с необычайно сильной охраной, найдутся недобрые глаза, которые всех запомнят и пересчитают. Подлость — самый древнейший способ заработка, что бы там ни гласила молва. Потому-то ис-

кусник в первый же день попросил травниц, в домике которых они остановились на обед, помочь со сменой личин.

— Я — Поля, ваши комнаты наверху, а коней привяжите у крылечка, сами уведем, — мягко пропела женщина и добавила: — Ключей там нет, а банька и все прочее внизу, вон в той пристройке. Можете сначала умыться, ужин принесем через полчаса.

— Спасибо, — бархатным баритоном проникновенно поблагодарил хозяйку Гарвель и строго глянул на двух почти одинаковых ростом темноволосых парнишек. — Нев, идите мойтесь, мы пока отнесем вещи.

Инквар, превратившийся в смуглого брюнета с кокетливыми усиками, подхватил саквояж и пару дорожных мешков и направился к крыльцу, тайком провожая подопечных взглядом. В этот раз парнишка из Лил получил походящим на полукровку скотоводов, и здесь, на границе восточных и южных районов, никого не удивляло ставшее узкоглазым лицо. Смешанные браки были в этих местах весьма популярны, верные древним традициям южане не любили отдавать своих дочерей замуж без солидного выкупа. Ну а богатые мужчины юго-восточных баронств ценили послушных и домовитых степнячек, позволяющих сэкономить на слугах.

Однако самой Лил ее новая внешность, наскоро созданная умелыми травницами с помощью красок и простых подручных средств вроде яичного белка, явно не понравилась. После преобразования девчонка замкнулась и перестала разговаривать не только с Инкваром, но и с его друзьями.

Даже замечания Ленсу, которого пришлось на несколько дней переименовать в Сана, в случае необходимости цедила сквозь зубы. И в угадайку с ним больше не играла, а все порядком затертые пряники равнодушно сжевала во время привалов. Утешало только одно: важные просьбы и указания вредина все же выполняла, но так же молча и равнодушно.

Ленс посматривал на нее несчастными глазами и тоже помалкивал. Не захотел он ничего отвечать и на вопросы

«отца», лишь жалобно сопел, и Инквар догадывался почему. Видимо, сестрица предусмотрительно взяла с него клятву, нарушение которой грозило мальчишке чем-то серьезным.

Нет, искусник и мысли не допускал, будто Лил способна обидеть брата, скорее всего, она его просто шантажировала, однако и не сочувствовать парнишке не мог. И в отместку на вечерних занятиях, с которых не выгонял никого из спутников, Инквар неизменно объяснял ученику правила поведения, которые каждый его коллега считает для себя непреложными. С обычными людьми, разумеется. К необычным у искусников в каждом случае полагался свой подход.

— Знаешь, — неожиданно заявил Дайг, когда они, распределив маленькие спаленки, вернулись в более просторную столовую, — мне кажется, встреча с матерью этой злойки будет не особенно приятным событием, и заранее тебе сочувствую. Но мы подумали и решили — глупо заявляться к ней в дом сразу всей толпой, сразу попадем на заметку шпионам Корди. Да и в город лучше бы въехать порознь. Мы найдем жилье и дадим тебе знать, а детей предупредим, молчать они умеют, доказали.

Он незлобиво ухмыльнулся и ожидающе уставился на Инквара.

— Я и сам так думал, — вздохнул искусник. — И еще намерен сначала снять комнату и несколько дней пошляться по городу. Слышать то, чего не слышат другие, я умею.

— Слушай, только поосторожнее, чтобы тебя снова связывать не пришлось. Мы тоже последим, а встречаться будем на рынке. Там у них есть фонтанчик, возле него, скажем, в полдень. О знаках договоримся, Гарвель начал писать.

— Пусть не тратит время, я наизусть помню три списка, дам вам какой попроще, — пообещал искусник, раздумывая о том, как сообщить об этом Лил. И когда лучше это сделать, прямо сейчас, чтобы дать девчонке время поразмыслить, или позже, ведь в Трааг, если ничего не случится, они придут только послезавтра к вечеру.

Наверное, все же лучше утром, решил он наконец и непонятно почему с облегчением вздохнул: объясняться с холодно поджимавшим губы смуглым пареньком с каждым днем становилось все труднее. Обычного непринужденного общения, какое бывает между путниками, связанными общими интересами и одним делом, не получалось, и это напряжение исподволь делало путешествие более тягостным, чем оно могло бы быть.

— Нет, — твердо заявила за завтраком Лил, едва выслушав объяснения Инквара. — Так делать не будем. Как только стемнеет, мы с Ленсом сразу пойдем домой, а вы устраивайтесь где хотите. Если Ленс заметит что-нибудь неладное, подадим вам знак. А если знака не будет, то на другой день Эринк придет в гости к обеду, чтобы лично все проверить и получить благодарность моей матери.

Инквар поспешил откусить огромный кусок колбасы и принялся яростно жевать, стараясь держать себя в руках и не сорваться, не прикрикнуть на эту сумасбродку. Она снова пыталась взять на себя решение всех проблем, не принимая во внимание ни опыт, ни знания тех, кто пытается их спасти.

— Глупый план, — зло фыркнул Дайг. — С чего ты взяла, что шпионы барона сидят в гостиной твоей матери и пьют с ней чай? Да они могут следить за вашим жильем откуда угодно, из соседней лавчонки или дома, с какого-нибудь чердака или башни! В подозрные трубы, усиленные искусниками, почти за тысячу шагов все видно и слышно, как будто находишься рядом, и все, кто занимается слежкой, такие имеют. Эринк прав, нужно пожить тихо и все разведать... если ты, конечно, еще не решила выйти замуж за Юбельда.

Слушая эту возмущенную речь, Инквар искоса следил за лицами подопечных и мрачнел все сильнее. Напрасно Дайг тратит время и слова, они уже выбрали свой путь. И судя по упрямо поджатым губам Лил да по тому, как, упорно не поднимая от стола взгляда, несчастно мнет в нервных пальцах

кусочек хлеба ее братишка, выбор был далеко не прост. И не сразу сестре удалось убедить Ленса, но, насколько успел изучить его Инквар, раз мальчишка дал ей слово, то уговаривать его уже бесполезно.

Искусник подавил тяжелый вздох, схватил кружку с чаем и принялся глотать так жадно, словно не пил не менее пары дней.

— Учитель, — тихо сказал вдруг мальчишка, отбросил истерзанную краюшку и взял в руку нож, — ты говорил, нужна капля моей крови...

— Стой! — крикнул Инквар, пытаясь ему помешать.

Поздно. Поперек указательного пальца Ленса уже пролегла тонкая полоска, быстро наполняющаяся алой кровью, а на губах Лил застыло страдальческое выражение. А через несколько мгновений она спохватилась, резко поднялась из-за стола, грубо отшвырнула попавшийся на пути стул и выскочила из комнаты.

Дайг вскочил с места, намереваясь проследить, куда помчалась эта сумасбродка, но Инквар остановил его, отрицательно мотнув головой. Никуда девчонка не денется, но сейчас к ней лучше не подходить.

— Ну зачем ты так? — мягко укорил он ученика, с привычной стремительностью доставая инструменты, зеркальце, зелье. — Я бы намазал обезболивающим и легонько кольнул.

Но уже и сам осознал, почему Ленс так неожиданно пожелал при всех повторить проведенный ими тайком ритуал привязки поискового заклятия. Хотел наглядно показать Лил, насколько не согласен с ее решением и как сильно сожалеет о данном сестре обещании.

— Такова жизнь, — вдруг подмигнул Ленсу ювелир. — Женщинам всегда кажется, будто без них ни одно дело правильно не сделается!

— Не всем, — из чувства справедливости заступился за женщин Инквар, бережно капая на порез зелье регенерации.

Разумеется, по меркам искусников, непозволительная и даже глупая расточительность, этой капли хватило бы заживить ранку от кинжала или стрелы. Но будет неправильно, если Ленс пожалеет о своем порыве, да и от колких взглядов сестрицы хотелось его уберечь.

— Ну да, — задумчиво согласился Гарвель. — Степнячки никогда не спорят, если правильно воспитаны. Жаль, конечно уж выкуп за них большой берут!

— Зато скучные, — соорил делано пренебрежительную гримасу Дайг. — Представьте только, каким унылым было бы наше путешествие с послушной и трудолюбивой степнячкой! А тут каждый день просыпаешься и гадаешь, какие еще сюрпризы тебя ждут!

— Она не поэтому, — дую на палец, хмуро отозвался мальчишка, помолчал и неуверенно добавил: — Это папа назначил ее командиром.

— Над тобой, — не пожелал смолчать Дайг. — И это правильно. Она старше, сильнее и опытнее тебя. Но не над нами! И вот этой простой истины она никак не может понять! Ну, допустим, мы с Гаром не можем создать такое чудовище, как твой учитель, чтобы сбежала целая банда, но бывало укладывали и по десятку бандитов, когда доводилось с ними встречаться. И возле шатров они нас почти захватили только благодаря помощи сильного искусника, лицедеи видели среди ночников человека в черной одежде.

— Это еще не доказательство, — буркнул Инквар, не желая, чтобы ученик плохо думал про его коллег.

— Возможно, — уклончиво согласился телохранитель. — Но я точно знаю, ночники предпочитают грязные цвета, тогда легче прятаться. Они же как стервятники — всегда нападают исподтишка. А одаренные, особенно те, кто вынужденно служит баронам, почему-то всегда в черном. И заставить их носить другую одежду невозможно... как мне говорили.

Искусник искоса глянул на него и отвел взгляд: объяснять друзьям эту тайну он не имел никакого права. Когда-то давно один из первых искусников, Лахвор, придумал гениальный артефакт. Хотя сказать «придумал» — это слишком

просто, мастер несколько лет работал, пока подобрал формулу и камни, проходя через которые магия окрашивала все надетое на хозяина амулета в жгуче-черный цвет. Можно было каждый день надевать новые разноцветные вещи, через час или меньше они становились непроницаемо-черными. Через некоторое время Лахвор начал делать такие амулеты десятками, но особого спроса они не нашли. И вдруг к нему пришли с предложением коллеги. Договорились они очень быстро, мастер собрал и выкупил все изготовленные ранее амулеты, объяснив это якобы обнаруженным вредным влиянием на печень. Вскоре все забыли о неудачном изобретении, благо в те времена талантливые одаренные делали невероятные открытия едва ли не каждый день.

Теперь лишь посвященные знают, что изобретение Лахвора не забыто и не потеряно, и каждый ученик, становясь мастером, получает от учителя несколько полезных вещей, среди которых обязательно есть ключ свободы. Небольшой иссиня-черный камень, вставляемый в неснимаемый личный амулет, в случае попадания мастера в неволю активируется особой фразой или крохотной каплей крови и с этого момента будет неизменно окрашивать всю одежду раба в черный.

Этот цвет — знак для собратьев и одновременно предупреждение об опасности и клятва верности мастерам и их законам. Те из искусников, кто сдался и смирился с судьбой, черного цвета не носили, раз и навсегда выбросив подальше свой ключ.

— Но я сейчас говорю не об этом, — не дождавшись пояснений Инквара, упрямо продолжил Дайг. — Мы все почти два раза старше твоей сестры и в несколько раз больше видели и пережили. Ведь нельзя же считать за жизненный опыт младенческие годы человека, когда он со всех сторон окружен заботой и любовью. Да и судьба у всех людей складывается по-разному. Нет, я не хочу никого поучать, но, по-моему, это либо детская самоуверенность, либо бабская блажь — пытаться решить сложную проблему в одиночку, когда рядом есть опытные люди, готовые помочь.